

Жун Юэ стал словно мусорным ведром, в которое Чжоу Яньсянь вываливал все свои эмоциональные отходы.

— Какой у тебя секрет? — произнёс Жун Юэ, чувствуя, что сегодня ветер стал ещё холоднее.

Чжоу Яньсянь усмехнулся, затем наклонился к уху Жун Юэ и, выдыхая тёплый воздух, прошептал:

— Я люблю своего приёмного отца, этого занудного гетеросексуала, Линь Чжиюаня.

Жун Юэ сразу же остановился.

Чжоу Яньсянь засмеялся, держа голову Жун Юэ, невероятно ласково:

— Я люблю человека, который старше меня на двадцать лет, и он такой же мужчина, как и я. Я — тёмный шлак, а он — беззаботный хомячок, живущий под солнцем. Мне приходится прилагать огромные усилия, чтобы сдерживать желание разрушить его. Жун Юэ, а ты?

Тьма исходила от него, плотно окутывая Жун Юэ.

— Ты не можешь так поступать, — сказал Жун Юэ.

— Да, я не могу, — слёзы скатились по щекам Чжоу Яньсяня. — Поэтому мне остаётся только уничтожить себя. Я так хочу умереть.

Это подавление рано или поздно разрушит этого человека.

Жун Юэ не стал говорить об этом вслух, не произнёс и той фразы, что таилась в глубине его сердца.

«У меня тоже есть такой человек. Я хочу сорвать с него одежду, заковать его в цепи и оставить дома. Я хочу погрузить его в самую глубокую тьму, бросить в безлюдную пустыню, чтобы он провёл всю жизнь в одиночестве, без надежды на что-либо, кроме возвращения ко мне.

Как можно любить кого-то без чувства собственности?

Поэтому я часто думаю, что любовь — это страшная вещь».

Чжоу Яньсянь привёл Жун Юэ к себе домой. Его дом был обычным двухэтажным зданием, Чжоу Яньсянь жил на втором этаже, у окна висел ловец снов.

Жун Юэ с любопытством посмотрел на него, и Чжоу Яньсянь объяснил:

— Это Линь Чжиюань купил мне, когда я только переехал. У меня тогда были кошмары, и он где-то услышал, что эта штука помогает, вот и купил.

Он небрежно объяснил, затем освободил чистое место для ребёнка, чтобы тот сел.

Жун Юэ неохотно, с явным отвращением сел.

Чжоу Яньсянь, видя его выражение лица, тоже раздражился:

— Двое мужчин живут здесь, чего ты ожидал от чистоты?

— Внизу, кажется, довольно чисто.

Внизу была комната Линь Чжиюаня.

Чжоу Яньсянь сердито подошёл к холодильнику, достал бутылку молока и бросил её Жун Юэ:

— Пей это.

Жун Юэ достал со стола салфетку и тщательно протёр бутылку молока, прежде чем открыть её и начать пить.

Чжоу Яньсянь рассмеялся, глядя на его действия:

— Неудивительно, что ты можешь только сидеть дома. Кто выдержит такое твоё поведение?

Жун Юэ проигнорировал его слова.

Возможно, из-за того что Жун Юэ смотрел с явным отвращением на разбросанный по комнате мусор, Чжоу Яньсянь был вынужден начать убирать гостиную. Он делал это с такой силой, что весь дом наполнился звуками падающих предметов. Линь Чжиюань, как раз вернувшийся домой, услышал это и подумал, что наверху взломщик, поэтому быстро поднялся вверх. Там он наткнулся на Чжоу Яньсяня, подметающего пол, и Жун Юэ, сидящего позади.

Линь Чжиюань посмотрел на Жун Юэ и был слегка поражён. Затем он сразу же с тревогой взглянул на Чжоу Яньсяня.

«Этот ребёнок, неужели он теперь начал похищать детей?»

— Дядя, здравствуйте, — вежливо поздоровался Жун Юэ. — Я Жун Юэ.

— Это мой школьный младший брат, — объяснил Чжоу Яньсянь.

— Здравствуй, — Линь Чжиюань был ошеломлён. Это был самый несоответствующий стилю Чжоу Яньсяня друг из всех, кого он видел. — Яньсянь, достань что-нибудь поесть для гостя.

Чжоу Яньсянь усмехнулся:

— Он уже пьёт молоко.

Жун Юэ, услышав это, вспомнил о салфетке и выбросил её в мусорное ведро.

— Мерзкий ребёнок! — Чжоу Яньсянь действительно рассмеялся от злости.

Линь Чжиюань, видя его реакцию, тоже незаметно улыбнулся, затем спустился вниз и принёс много закусок.

В итоге ел только Чжоу Яньсянь, Жун Юэ ограничился молоком.

Линь Чжиюань, как самый обычный родитель, сел рядом с Чжоу Яньсянем, напротив Жун Юэ, и начал болтать:

— У этого ребёнка характер, конечно, не сахар, но он неплохой парень. Если он тебя обидит, можешь сразу сказать мне.

Чжоу Яньсянь, услышав это, взорвался:

— Кто его обидит? Это он меня обижает! Этот ребёнок — настоящий злодей!

Жун Юэ впервые увидел такого взбешённого Чжоу Яньсяня.

Линь Чжиюань засмеялся, повернул его лицо руками:

— Он ещё любит ходить в места, не предназначенные для детей, не ходи с ним туда.

Жун Юэ всегда говорил то, что думал:

— Чжоу Яньсянь ко мне хорошо относится, я не пойду в такие места, мы будем хорошо ладить.

— Вот и хорошо, — Линь Чжиюань был спокоен.

Чжоу Яньсянь не мог с ним справиться, поэтому просто облокотился на диван, слушая, как они перекидываются словами. Когда они устали и сделали паузу, Чжоу Яньсянь спросил Линь Чжиюаня:

— Сегодня ты ведь встречался с тем своим коллегой? Как всё прошло?

Линь Чжиюань, услышав это, слегка смутился:

— Ну, как обычно.

— Хм.

Он делал вид, что ему всё равно, но Жун Юэ мог разглядеть в его глазах смесь боли и ревности, огонь, который вот-вот сожжёт его гордый хвост.

Чжоу Яньсянь оттолкнул его:

— Уходи, нам нужно поговорить.

Линь Чжиюань не стал мешать молодым людям общаться и ушёл на балкон стирать бельё. Слыша звук работающей стиральной машины, Чжоу Яньсянь обернулся, чтобы посмотреть на Линь Чжиюаня, греющегося на солнце на балконе, и слова, которые он хотел сказать Жун Юэ, застряли в горле. Чжоу Яньсянь не выдержал и вышел на балкон, чтобы спросить Линь Чжиюаня:

— Бельё уже в стиральной машине, я потом развешу, ты иди вниз.

Вспомнив, как Чжоу Яньсянь обычно развешивает бельё, Линь Чжиюань безжалостно отказал ему.

Чжоу Яньсянь был в ярости, он ненавидел эту привычку Линь Чжиюаня стоять у стиральной машины и ждать, пока бельё постирается.

Жун Юэ всё ещё ждал его в гостиной, и Чжоу Яньсянь вернулся, чтобы поговорить с ним на ни к чему не обязывающие темы. Когда стирка закончилась, Линь Чжиюань начал развешивать бельё. Его было так много, что он двигался медленно, сначала разглаживая складки на одежде, затем надевая её на вешалки и медленно развешивая на сушилке.

Чжоу Яньсянь, разговаривая с Жун Юэ, постоянно оборачивался, чтобы посмотреть на него. Его медленные движения раздражали, и Чжоу Яньсянь, шлёпая в тапочках, вышел помочь:

— Зимой на балконе долго стоять холодно. — Он бурчал, беря вешалки.

Жун Юэ посмотрел на них. Возможно, это была привычка, но Чжоу Яньсянь, стоя рядом с Линь Чжиюанем, всегда стремился приблизиться, чтобы окружить его своим присутствием.

Линь Чжиюань, ничего не замечая, с любовью смотрел на Чжоу Яньсяня.

Жун Юэ встал и крикнул Чжоу Яньсяню:

— Мне пора домой.

— Эй, ты уходишь? — удивился Чжоу Яньсянь. — Подожди, я провожу тебя.

— Не нужно, — Жун Юэ мягко улыбнулся. — Я сам дойду.

Хотя он так сказал, Чжоу Яньсянь всё же проводил его до подъезда. Жун Юэ медленно пошёл к своему дому и, почти поворачивая за угол, оглянулся. С этого угла ещё можно было увидеть балкон дома Чжоу Яньсяня. Чжоу Яньсянь, проработав всего несколько минут, уже не хотел двигаться. Он подошёл к Линь Чжиюаню сзади, прижался к нему и положил подбородок на его плечо.

Жун Юэ не видел его взгляда, но мог представить. Это должен был быть ужасающий взгляд человека, желающего обладать другим.

Каждый человек несёт в себе множество переживаний, которые учат его множеству больших и маленьких уроков. Сегодня Жун Юэ узнал от этих двоих, что такое чувство собственности.

В морозный день Жун Юэ шёл домой.

Проходя мимо дома Шэнь Мяня, он отчётливо слышал смех девушки.

Звонкий, как колокольчик, но раздражающий.

— Сяо Юэ, — тётя Лю как раз открыла окно и увидела Жун Юэ с покрасневшим от холода лицом.

— Тётя, здравствуйте, — поздоровался он.

— Здравствуй, здравствуй.

Жун Юэ, не отводя взгляда, пошёл прямо домой, затем попытался открыть дверь, но она была заперта. Он машинально полез в карман за ключами, но не нашёл их. Нахмурившись, он обыскал все карманы, но ключей так и не нашёл.